

The background is a dark blue space filled with numerous bright blue light streaks and particles. These streaks originate from the bottom and fan out towards the top, creating a sense of depth and movement, similar to a cosmic or high-speed digital environment. The particles are small, glowing dots scattered throughout the scene.

Сириус. Машина опоздания. Часть I. Колокол

Алексей Ванюгин

Алексей Ванюгин

**Сириус. Машина опоздания.
Часть I. Колокол**

«Автор»

2026

Ванюгин А.

Сириус. Машина опоздания. Часть I. Колокол / А. Ванюгин — «Автор», 2026

«Сириус» уходил в первый в истории гиперпрыжок. В конце прыжка к первой цели капитан произошёл сбой и капитан приказал прервать переход — у него не было ничего, кроме записки человека, которого выжили из проекта. Приказ стоил ему карьеры и спас корабль. Двигатель оказался не машиной расстояний, а машиной "опоздания": 9 часов 40 минут по бортовым часам обошлись в 11 лет по земным. Они вернулись в 2123 году. Земля молчала на всех частотах с 12 августа 2116-го. Из 11 миллиардов уцелело меньше двух. Понять, что случилось, оказалось хуже, чем не знать. Подпространство — не среда, а сооружение: сеть, натянутая задолго до человека. Слепой прыжок рвёт нить, и дрожь бежит к тем, кто её чинит. Ремонтники не воюют и не мстят: они гасят всё, что кричит в эфире, и не отличают передатчик от того, кто в него кричит. У капитана полтора миллиона спящих, полмиллиона оставленных внизу и обещание вернуться. И координаты узла, куда четырнадцать лет назад ушёл человек, понявший всё раньше других.

Содержание

Вступление	5
Глава 1. Старт	7

Алексей Ванюгин

Сириус. Машина опоздания.

Часть I. Колокол

Вступление

10 марта 2112 года.

Научно-исследовательское судно «Сириус» вышло из строительного дока, и я, Николас Лакидис, принял командование.

Называть его судном — всё равно что называть домом весь город. Первенец серии «Галактика» был скорее автономной базой, чем кораблём: больше километра в длину, почти полкилометра в высоту, свыше тысячи модулей. В этой стальной горе нашлось место всему, что положено городу, — заводам, госпиталям, оранжереям и даже лаборатории-мастерской, способной строить новые корабли прямо в пути. Ангары принимали до полусотни грузовых кораблей класса «планета — планета», жилые ярусы — двести с лишним тысяч пассажиров, а в пяти криогенных модулях, по триста тысяч камер в каждом, мог уснуть и доехать до другой звезды целый полуторамиллионный город.

Всю эту громаду должен был тянуть экспериментальный гипердвигатель — первый, который человечество рискнуло поставить на корабль с живыми людьми. На случай его отказа и для хода внутри систем нам дали пять вспомогательных атомных двигателей, честных и медленных: по расчётам, даже от ближайшей звезды дорога домой заняла бы на них больше тридцати корабельных лет.

Строили всё это не из праздного любопытства. Земля перестала очищать себя сама, и спорить об этом бросили ещё в конце прошлого века. Половины озонового слоя больше нет. Нефильтрованную воду пить смертельно опасно, а во многих городах без фильтров нельзя и дышать. Надежда с некоторых пор одна: найти планету, где всё это не нужно. Мы — первая попытка людей выйти в дальний космос самим, а не зондами-разведчиками.

Имя каждому судну серии «Галактика» дают по звезде, к которой ему предстоит однажды уйти насовсем: наша — Сириус, ярчайшая звезда земного неба, в её честь корабль и наречён. Но в первый поход мы идём не к ней, а к самой близкой — к альфе Центавра. Почти всё на «Сириусе» экспериментальное, от двигателя до оранжерей, поэтому задача проста: дойти, проверить в деле гипердвигатель и корабль — и вернуться. Если всё пройдёт гладко, на стапели встанут близнецы — «Вега» и «Альтаир», — а мы получим полный экипаж и уйдём к своей звезде.

Сейчас со мной летят пятнадцать тысяч человек. Нас сопровождают пять звёздных истребителей и десять кораблей ближней разведки. Ещё один — горнодобывающий: мало ли что откажет в пустоте, ресурсы придётся искать самим. Переселенцев на борту нет ни одного: полтора миллиона мест идут пустыми. Пятнадцать тысяч — это только команда. Инженеры, врачи, геологи, монтажники, три с половиной тысячи гражданских техников. Кадровых военных на всех — четыреста, и в бумагах эту цифру называют «избыточной», потому что воевать нам не с кем. У каждого в кармане контракт и обратный билет. Весь поход рассчитан на сто восемьдесят суток.

А внизу, под грязным небом, остаётся одиннадцать миллиардов человек. Больше половины из них живут под куполами — крупных сорок с лишним, мелких без счёта, — и купол

не защищает: он держит внутри воздух, прогнанный через фильтры. Строить их начали как временную меру.

Мой собственный адрес в судовой роли записан так: Северная Европа, купол Нидарос, третий ярус. Это Тронхейм. Я вписал его своей рукой, хотя уехал оттуда девятнадцать лет назад. В графе так и написано: «место постоянного проживания». Куда сообщить, если...

Глава 1. Старт

Земля провожала нас так, как провожают единственную надежду, — с отчаянием, наряженным в праздник.

Накануне старта, десятого марта, на орбитальном причале дали приём. Я стоял у панорамного окна во весь борт станции, с бокалом, который так и не пригубил, и смотрел вниз, на планету, ради которой всё это затевалось. Отсюда, с высоты, Земля была ещё красива — тем обманчивым расстоянием, что прячет любые язвы на её поверхности. Но я вырос там, внизу, и знал, что скрывается под этой лазурью: дымные пояса над промышленными широтами, не рассеивающиеся ни днём ни ночью; города под куполами, где детей учат, что небо когда-то было синим не только на картинках; океаны, из которых нельзя пить, не убив половину того, что в них ещё живёт. Учёные всё просчитали ещё в прошлом веке. Ошиблись только в сроках: думали, у нас есть время. А времени-то и не было.

Внизу, под этой голубизной, лежал Тронхейм.

Перед вылетом мне дали три дня отпуска. В штабе советовали отдохнуть и дать пару интервью, а я вместо этого поехал домой. Дом — купол Нидарос, третий ярус, окно на фьорд.

Купол ставили при моём деде и рассчитывали на десять лет. Он стоит семьдесят три года и давно стал городом сам по себе. Под ним выросло второе небо из ферм и светильников. Его чинят по секторам, гася свет квадратами, так что раз в неделю над каким-нибудь кварталом повисает глухой чёрный прямоугольник — и все к этому привыкли. Дождь идёт по расписанию — не дождь, а промывка оболочки снаружи, дважды в месяц; вода шумит по скатам трое суток, и под этот шум в Тронхейме принято спать. Дети рисуют небо синим, потому что им так велят: на уроках это называется «цвет по образцу», а сам образец — фотография прошлого века — висит на стене. Реку Нидельву заковали в трубу и пустили под ярусами; она осталась только на схемах и в названиях остановок, и приезжие вечно ищут её глазами.

Мать жила там же, где жила всегда. Гудрун Лакидис, семьдесят четыре года, вдова, третий ярус, две комнаты, окно на восток. Ей четыре раза предлагали переселиться на нижние ярусы, куда не надо подниматься, где дешевле воздух и ближе вода, и все четыре раза она отказывалась: из её окна виден фьорд — узкая серая полоса метров в тридцать по горизонту, между опорой купола и складами, если встать правильно. Уже много лет она каждую неделю мыла это окно снаружи, забираясь на раму, и на все вопросы соседей — зачем так часто? — отвечала одинаково: «Стекло грязное — фьорда нет».

Отец умер за одиннадцать лет до старта. Андреас Лакидис приехал в Тронхейм на два года по контракту, судовым механиком, а остался на сорок один. От него мне достались фамилия, руки и убеждение, что механизм, о котором ты не знаешь, как он ломается, ты не знаешь вовсе.

Оба их ребёнка пошли в военные. Елена служит в частях планетарной обороны, я после лётной школы ушёл в испытатели, а потом мне дали этот корабль.

Элену я не застал: она не была дома уже год — узел, штаб, дежурства.

С матерью мы просидели три вечера и переговорили почти обо всём. Она расспрашивала про еду на борту, про то, кто чинит мне форму, и правда ли, что в криокамерах холодно (я ответил, что правда, но мне туда не надо). Она не спросила о самом важном — насколько надёжен этот новый двигатель и чем я буду занят четыре месяца в чужой звёздной системе. А ведь она умела задавать вопросы — за сорок лет с судовым механиком этому научишься. Лишь один раз, убирая со стола, обронила в сторону:

— Ты вернёшься к сентябрю?

— К сентябрю, — сказал я. — Может, на пару недель позже.

— Хорошо. Значит, до сентября.

Ей было семьдесят четыре года, и она сказала это как человек, который умеет считать и не считает вслух.

Провожать меня она не поехала. Отказалась в первый же вечер, и не потому, что боялась подниматься на орбиту: она поднималась дважды, когда выпускался и когда принимал первый корабль. Она отрезала: «Провожают тех, кто уезжает. А ты уходишь на работу».

В последний вечер на Земле я взял фильтр и вышел наружу.

Это разрешено — два часа в сутки, по пропуску, через южный шлюз; очередь там небольшая: желающих мало, потому что снаружи не на что смотреть. Было плюс шесть, мокрый камень, ветер и запах, который я не могу описать иначе как «пустота»: ни водорослей, ни рыбы, ни соли — просто холодная вода без всякого запаха. Фьорд вычистили за двадцать лет до того, полностью, до последнего грамма, и с тех пор в нём ничего не жило, потому что чистить научились быстрее, чем возвращать жизнь. Чаек не было. Их не было так давно, что моё поколение уже не находило в этом ничего особенного: птицы остались на картинках, там же, где и синее небо.

На камнях сидел старик с удочкой. Я постоял рядом минуты три и спросил, ловится ли. — Нет, — сказал он, не оборачиваясь. — Тут не ловится.

— А зачем тогда рыбачишь?

Он подумал.

— Так я и не рыбачу. Просто люблю сидеть и вспоминать, как тут было раньше.

Это последнее, что я помню о Земле снизу: чёрная вода, мокрый камень и человек, который сидел.

*

За спиной звенели бокалы, играла музыка, министры вещали о заре новой эры. А я смотрел вниз и думал, что зарёй это называют только в зале.

— Ты опять стоишь спиной к собственному празднику, — заметила Елена. Подошла она бесшумно. Моя сестра, старше меня на четыре года, полковник планетарной обороны, в парадном мундире держала бокал, который, в отличие от меня, не забывала пригубливать. — Людям внизу нужен герой, Никола.

— Я не герой. Скорее извозчик, которому доверили самую дорогую телегу в истории.

— Так скажи им это, — она кивнула в сторону зала. — Для них ты человек, который привезёт шанс на спасение. Дай им хоть сегодня в это поверить. Завтра ты улетишь, и верить придётся самим.

Мы стояли рядом, брат и сестра, и молчали. Елена оставалась внизу: её война шла здесь. Мою войну я тогда ещё считал простой прогулкой: долететь до соседней звезды, проверить двигатель, вернуться. Если бы кто-то сказал мне в тот вечер, что планета внизу замолчит раньше, чем я снова её увижу, я бы решил, что этот человек пьян.

Вечер тянулся, официальные речи сменяли одна другую.

Главный конструктор проекта высказался короче всех — минуты полторы, ровным голосом, без единого слова про зарю новой эры, — и после этого от стойки уже не отходил. Звали его Генрих Кёниг. Ему было под шестьдесят, он был сер лицом и держался очень прямо, как держатся люди, следящие за собой. Помощник по хозяйственной части шепнул мне, что конструктор не пьёт двадцать лет и что сегодня, кажется, начал. — Вас понял. Навигационная, где мы сейчас?

— По данным компьютера, мы уже должны были пройти восемьдесят два процента расстояния до системы Центавра. До выхода из гиперпространства нам осталось пятьдесят две минуты.

— Принято. Моторный, следите за приборами, доклад при изменении пульсации более чем на один процент. Навигационная, рассчитайте наше местоположение. Ангарам — готовить корабли к вылету.

И тут я вспомнил про конверт. Сутки назад, среди музыки и речей, это была шутка. Теперь, с растущей пульсацией и тремя часами белой слепоты за спиной, шутка перестала быть смешной. Я достал его из внутреннего кармана и вскрыл.

«Привет, Никола (так он меня всегда называл). Ты знаешь, что я работал в проекте гипердвигателя, но не знаешь, почему ушёл. Однажды, гоня расчёты, я понял, что при определённых входных данных компьютер двигателя начнёт ошибаться. При этом никакие проверки ничего не найдут. Причина проста: структура космоса неоднородна, и на её расчёт не хватит никакой машинной мощности и возможностей анализа.

Несколько раз перепроверив, понёс это главному конструктору — он объявил мою теорию ошибочной, не дослушав и до середины. Я пытался ему доказать, что это очень большая проблема, но меня силой выставили за дверь. Участвовать в смерти тысяч людей я не захотел и подал в отставку, а уже к вечеру того же дня заметил за собой людей службы разведки. Пришлось исчезнуть.

Годами прятался по разным странам от «служак», но недавно сумел снова увидеться с главным конструктором. Оказалось, он всё-таки проверил мои расчёты — и они подтвердились. В полутёмном пабе, хорошо приняв на грудь, он проболтался: сам двигатель, по его мнению, построен верно, но компьютер расчёта не потянет, и чем дальше полёт, тем меньше шансов долететь — что до Центавра, что обратно. Шансы дойти он оценил как один к ста. Признать это вслух ему стыдно и страшно, и, кроме нас двоих, об этом не знает никто. Все, кто, как я, находил в проекте ошибки, бесследно исчезали в подвалах службы разведки; я единственный, кто успел уйти.

И вот что я должен сказать тебе честно, Никола: я не инженер твоего корабля и не знаю, как именно тебя спасать. Я исследователь, теоретик, вижу пропасть, но не вижу моста через неё — мост придётся строить тебе и твоим людям, уже там, на месте.

Знаю одно наверняка: когда пойдёт неладное, компьютер будет до последнего твердить, что всё в порядке, — он иначе не умеет. Не верь ему. Верь интуиции, ощущениям, своему внутреннему голосу. Выход почти наверняка есть, и дорога домой, думаю, тоже, — но их придётся искать вам, своими головами. Моё дело — успеть крикнуть «берегись». Что я и делаю.

Твой Пётр».

Я перечитал последние строки дважды. Пётр не оставил мне инструкции — он оставил мне тревогу. А компьютер в эту самую секунду по-прежнему уверял меня, что всё в порядке. Решать надо было мне одному, и я решил.

— Моторный, говорит капитан. Отключаем гипердвигатель и выходим в обычное пространство. Мостик, включить щит на сто процентов, подготовить запуск зондов-разведчиков.

Рубка молчала ровно один удар сердца.

— Капитан, — осторожно проговорил главный инженер Ланге со своего поста. — Прошу зафиксировать: бортовой компьютер оценивает переход как штатный. Пульсация — два и семь, в пределах, которые проектировщики считают безопасными. Мы прошли восемьдесят два процента пути. Если мы прервёмся сейчас, то выйдем неизвестно где, используя непроверенный аварийный режим, который никто никогда не тестировал на живом корабле в реальных условиях. Система рекомендует продолжать.

— Я вижу данные на экране, Ланге, — ответил я.

— Тогда на каком основании мы должны прервать прыжок?

Хороший вопрос. И у меня не было на него ответа, который выдержал бы проверку уставом. У меня был лишь лист бумаги, исписанный корявым почерком мертвеца. Против меня свидетельствовали все приборы корабля, научные выкладки, здравый смысл и должностная инструкция. За меня — только Пётр, подписавшийся полным именем.

А он подписывался так лишь тогда, когда был уверен, что прав, и знал, что за эту правоту с него спросят.

— На том основании, — сказал я, и собственный голос показался мне чужим, — что у меня есть информация от человека, который ушёл из проекта разработки гипердвигателя, потому что не захотел участвовать в нашей гибели. И заплатил за свой уход годами бегства. Люди не платят так за ошибку. Так платят только за правоту. — Я обвёл рубку взглядом. — Я знаю, чего прошу. Я приказываю прервать первый в истории человечества гиперпрыжок почти у самой цели, полагаясь на какую-то записку. Если я ошибаюсь, меня ждёт разбирательство и увольнение. Если ошибается компьютер — нас не ждёт уже ничего. Я выбираю позор. Отбой прыжка. Исполнять.

Ланге секунду смотрел на меня — и коротко, сухо кивнул.

— Моторный отсек, аварийная остановка перехода по протоколу «омега», — заговорил он в микрофон уже другим, отрывистым, боевым тоном. — Гашение поля в три ступени. Экипажу — приготовиться к жёсткому выходу, всем закрепиться. Пять, четыре...

Я вцепился в подлокотники. За бортом стояло всё то же ровное молоко, безмятежное и слепое, и приборы по-прежнему уверяли меня, что всё хорошо.

— ...два, один, ноль. Гасим поле.